

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ШТУРМЪ ГОРЦАМИ УКРѢПЛЕНІЯ ХАМКЕТЫ

14-го іюня 1862 года.

---

*(Посвящается моимъ сослуживцамъ и семейству покойнаго
В. С. Гоца).*

Прежде нежели приступлю къ разсказу объ одномъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ эпизодовъ кавказской войны въ періодъ 1861—1864 годовъ, считаю необходимымъ, бросить предварительно краткій взглядъ на состояніе и топографію края въ эпоху, предшествовавшую описываемому событію.

Мѣры, предпринятыя командовавшимъ войсками на правомъ крылѣ кавказской линіи и въ Черноморіи генералъ-лейтенантомъ Филипсономъ, во второй половинѣ 1859 года, для занятія мирнымъ путемъ обширной территоріи, ограниченной рѣками Большой и Малой Лабой, Кубанью, Чернымъ моремъ и Абхазією, не повлекли за собою тѣхъ благопріятныхъ послѣдствій, которыхъ можно было ожидать. Причины тому были слѣдующія:

Географическое положеніе страны, на каждомъ шагу представлявшей труднопобѣдимыя естественныя преграды, не дозволяло намъ быстрымъ занятіемъ важнѣйшихъ пунктовъ утвердиться въ ней; свойства и духъ ея воинственныхъ обитателей, преклонявшихся только предъ силой, не подавали ни малѣйшей надежды на прочность и продолжительность мирныхъ отношеній. Эту горную область населяли множество племенъ, которыя, распадаясь на безконечное число родовъ, управляемыхъ старѣйшинами, находились на степени почти первобытнаго состоянія. Отдѣленные одно отъ другаго высокими снѣжными горами, быстрыми рѣчками въ крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ, то едва замѣтно клокотавшими на днѣ пропасти, то возвышавшимися на нѣсколько десятковъ футовъ и разливавшимся на значительное пространство, и дремучими вѣковыми лѣсами, племена эти, часто по нѣскольку мѣсяцевъ въ году, не имѣли

между собой сношеній. Разъединенныя природными условіями, они образовывали родъ небольшихъ военно-патріархальныхъ республикъ, не знавшихъ никакихъ законовъ кромѣ вражды, мести и грабежа. Естественнымъ слѣдствіемъ подобнаго гражданскаго порядка былъ недостатокъ между племенами связи и интересовъ. При неразвитости горца, понятіе его о могуществѣ Россіи, о громадности ея военныхъ средствъ никогда не шли далѣе того отряда, съ которымъ приходилось имѣть дѣло. Тщетно болѣе дальновидные люди старались убѣдить своихъ соплеменниковъ въ бесплодности борьбы: попытки ихъ встрѣчались недоувѣрчивостью, навлекали на нихъ всеобщую ненависть и презрѣніе за мнимую преданность русскимъ.

Скудный домашній бытъ, суровыя привычки и военное воспитаніе, развивая въ горцахъ съ дѣтства природную отвагу и пренебреженіе опасностей, внушали имъ полное презрѣніе къ жизни. Сосѣди наши турки, издавна находясь въ торговыхъ сношеніяхъ съ горцами чрезъ восточный берегъ Чернаго моря, и потому имѣвшіе легкой доступъ въ глубь горныхъ ущелій, искусно пользовались своимъ вліяніемъ между единовѣрцами для достиженія собственныхъ цѣлей. Разжигая мусульманскій фанатизмъ разнаго рода обольщеніями и нескупясь на обѣщанія въ помощи султана, турки поддерживали въ горцахъ непримиримую вражду къ ненавистной имъ Россіи. Наши западные доброжелатели, величающіе себя защитниками цивилизаціи, также оказывали свое покровительство полудикимъ горцамъ въ видѣ двухъ, трехъ десятковъ буйныхъ согражданъ, которыхъ за разладъ съ правительствомъ старались спроводить куда-нибудь безвозвратно, да пары другой негодныхъ пушекъ, съ придачей нѣсколькихъ фунтовъ пороху. Этого за глаза было достаточно, чтобы расположить въ свою пользу легковѣрнаго горца.

Генераль-лейтенантъ Филипсонъ, очень хорошо понимавшій, что съ такимъ народомъ не достигнешь ничего путемъ мирныхъ соглашеній, поспѣшилъ воспользоваться результатомъ переговоровъ съ Магометъ-Эминемъ, главою абадзеховъ, одного изъ многочисленныхъ и храбрѣйшихъ племенъ западнаго Кавказа. Занятіе безъ боя урочища Хамкеты, и вслѣдъ затѣмъ постройка цѣлаго ряда станицъ, дали намъ возможность стать твердою ногою въ самомъ центрѣ населенія абадзеховъ, и протянуть границы боевыхъ линій отъ укрѣпленія Псебайскаго прямо на сѣверо-западъ до рѣки Бѣлой.

Обширная хамкетинская котловина, отдѣленная на сѣверѣ хребтомъ Кунакъ-Тау и извѣстными на Кавказѣ мохошевскими лѣсами отъ равнинъ прилабинскихъ, на югѣ отъ урочищъ Кунъ и Багго отрогами лѣсистыхъ возвышенностей даховскихъ, и замыкаемая съ запада и востока рѣками Вѣлой и Ходземъ, имѣла видъ продолговатаго четырехугольника, въ длину 60 и въ ширину отъ 12 до 18 верстъ. Котловина эта, перерѣзанная въ различныхъ направленіяхъ глубокими лѣсистыми оврагами, множествомъ мелкихъ ручьевъ и рѣчекъ, пересѣкалась по діагонали почти во всю длину, съ запада на востокъ, теченіемъ рѣки Губса, представляя собой трудно доступную мѣстность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣла чрезвычайно важное значеніе для нашихъ, будущихъ, въ этомъ краѣ, военныхъ операцій. Занятіе такого пункта отдавало въ наши руки теченіе Ходза и бассейнъ малой Лабы, т. е. почти всю территорию абадзеховъ, и облегчало доступъ къ верховью Вѣлой въ даховское и хамышейское общества.

Въ суровую зиму 1859—1860 года, лабинскій отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Преображенскаго, занялся вырубкой лѣса, устройствомъ сорокаверстной дороги отъ станицы Лабинской до урочища Хамкеты и заготовленіемъ матеріаловъ на постройку будущей штабъ-квартиры кавказскаго линейнаго № 4-го баталіона.

Послѣ кратковременнаго отдыха по ближайшимъ станицамъ, съ появленіемъ подножнаго корма въ первыхъ числахъ мая 1860 года, лабинскій отрядъ снова двинулся на опредѣленный пунктъ и затѣмъ было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія.

Хамкетинское плоскогорье, длиною около 6 и шириною отъ 1½ до 2 верстъ, замкнутое на западѣ отрогами даховскихъ возвышенностей, сбѣгало, на всемъ своемъ протяженіи, довольно крутыми скатами къ берегамъ ручьевъ Хамкеты и Псефира, образуя глубокіе, поросшіе лѣсомъ, овраги, которые, постепенно сближаясь, соединялись въ нѣсколькихъ саженихъ за укрѣпленіемъ поперечнымъ, такъ называемымъ Сѣннымъ. Противоположные берега овраговъ Псефирскаго и Сѣннаго, по своему возвышенному положенію, господствовали надъ укрѣпленіемъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла, болѣе же отдаленный хамкетинскій на орудійный. Возвышенные берега и скаты окрестныхъ овраговъ, покрытые лѣсомъ, перемѣшаннымъ съ мелкимъ кустарникомъ, представляли горцамъ превосходное

убѣжище, изъ котораго они могли тревожить гарнизонъ укрѣпленія и днемъ, и ночью.

Изъ этого очерка видно, что мѣстность подъ укрѣпленіемъ имѣла значительныя неудобства. Для устраненія ихъ, въ пунктѣ соединенія овраговъ Псефирскаго и Сѣннаго, былъ сооруженъ деревянный оборонительный блокгаузъ, на 30 человекъ гарнизона, вооруженный 24-фунтовой крѣпостной пушкой; другой подобный же блокгаузъ, на 15 человекъ, поставленъ на ручьѣ Хамкеты для защиты водопоя.

Самое укрѣпленіе, въ окружности $1\frac{1}{2}$ версты, съ землянымъ валомъ и сухимъ рвомъ безъ палисада, имѣло видъ правильного шестиугольника. Сѣверный фасъ, по свойству болотистаго грунта, невыдерживавшаго тяжести земляной насыпи, былъ защищенъ заборомъ изъ двухъ рядовъ толстыхъ чинаровыхъ брусевъ, вышиною въ 4 аршина; изъ нихъ внутренній былъ нѣскольکو ниже, съ промежуткомъ одинъ отъ другаго до 2 аршинъ. Для прочности, срубъ этотъ, на разстояніи 5 — 6 аршинъ, скрѣплялся поперечными деревянными же связями.

Гребень бруствера, одинаковой высоты вокругъ всего укрѣпленія, не вездѣ могъ служить гарнизону достаточнымъ укрытіемъ; такъ, напримѣръ, южный и юго-восточный фасы, къ сторонамъ которыхъ площадь укрѣпленія имѣла значительный скатъ, не могли, въ случаѣ подступа непріятеля, препятствовать дѣйствию его ружейнаго огня по внутренности укрѣпленія. Изъ-за сѣверо-восточнаго же фаса, вслѣдствіе значительнаго возвышенія почвы въ этомъ мѣстѣ, можно было съ такимъ же успѣхомъ поражать защитниковъ южнаго и юго-восточнаго фасовъ съ тыла; но такъ какъ фасъ этотъ прилегалъ къ форштату и находился подъ защитою его ограды, то опасности съ этой стороны можно было бы ожидать только въ такомъ случаѣ, если бы форштатъ находился въ рукахъ непріятеля.

Шесть батарей, вооруженныхъ 8 орудіями разныхъ калибровъ, обороняли доступы къ укрѣпленію и форштату; но изъ нихъ только двѣ, №№ 1-й и 6-й, обстрѣливали анфиладнымъ огнемъ крѣпостной ровъ по направленію четырехъ фасовъ, а къ двумъ остальнымъ примыкалъ своимъ основаніемъ форштатъ, имѣвшій клинообразную форму, по направленію береговъ Хамкетинскаго и Сѣннаго овраговъ до точки ихъ соединенія. Эта слободка, въ которой находились всѣ хозяйственныя заведенія

баталіона, какъ-то: баталіонный и ротные дворы, мастерскія, жилища семейныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, лавки маркитанта и другихъ торговцевъ занимавшихся мѣнковой торговлей съ горцами, соединялась съ укрѣпленіемъ посредствомъ калитки и была защищена плетневою оградой въ 4 аршина вышины.

Съ южной стороны форштата, у самого плетня, находился сѣнникъ, въ которомъ хранилось до 40,000 пудовъ экстреннаго сѣна; нѣсколько вправо отъ сѣнника, саженьхъ въ 40 отъ крѣпостныхъ воротъ, было разбросано десятка три землянокъ, въ которыхъ располагался осенью 1861 года резервный Грузинскій гренадерскій Его Императорскаго Высочества Константина Николаевича баталіонъ, прикомандированный сначала для усиленія гарнизона, а впоследствии получившій особое назначеніе.

Мирная жизнь и дружескія отношенія съ горцами въ теченіе почти двухъ лѣтъ ничѣмъ ненарушались; толпы ихъ ежедневно пріѣзжали въ укрѣпленіе, гдѣ приобрѣли уже много кунаковъ; оживленные сатовки, у Каладжинскихъ воротъ, на которыхъ толкалось съ утра до вечера все свободное отъ служебныхъ занятій населеніе укрѣпленія, часто бывали театромъ весьма комическихъ сценъ между покупателями и продавцами, объяснявшимися посредствомъ мимики. Плутоватые армяне-торговцы небрежно и съ равнодушнымъ видомъ принимали въ темныхъ лавочкахъ своихъ простодушныхъ покупателей, обирали ихъ безъ всякаго милосердія при обмѣнѣ лежалыхъ ситцевъ и плохихъ шелковыхъ матерій на скотъ, кожи, лисьи и куныи шкуры, медъ и другіе продукты мѣстнаго произведенія; беззаботные чумаки, съ провіантомъ и боевыми снарядами для мѣстныхъ парковъ и магазиновъ, татарскія арбы, за нѣсколько верстъ поражавшія слухъ неприятнымъ скрипомъ, съ сѣномъ, кожами и лѣсомъ, тянулись по дорогамъ безконечными обозами. Зеленѣющія поля пестрѣли, покрытыя многочисленными стадами рогатаго скота и овецъ, стогами сѣна и хлѣба. Видъ возраждающейся вокругъ жизни и веселыя мѣстоположенія напоминали мирныя картины далекой, милой родины; но странны и неестественны казались они посреди окружавшей ихъ природы людямъ, которыхъ большая часть жизни протекла въ созерцаніи казачьихъ и горскихъ значковъ, а слухъ свылся съ гуломъ пушечныхъ выстрѣловъ. Подобная жизнь, въ теченіе 1860 и

1861 годовъ, нисколько, впрочемъ, не поселяла въ насъ увѣренности въ прочности установившагося порядка.

Между тѣмъ, съ покореніемъ восточнаго Кавказа, виды правительства на западный приняли болѣе рѣшительный и опредѣленный характеръ: значительныя массы отборныхъ войскъ, 20-й и 21-й пѣхотныхъ дивизій, въ началѣ 1860 года стали сосредоточиваться на правомъ крылѣ и поступать въ составъ различныхъ отрядовъ; назначеніе же командующимъ войсками генералъ-адъютанта графа Евдокимова, памятнаго горцамъ еще съ пятидесятихъ годовъ, когда онъ былъ начальникомъ праваго фланга, челоуѣка въ высшей степени энергичнаго, настойчиваго и вполнѣ изучившаго непостоянную и легковѣрную натуру горскаго населенія, заставляли предполагать, что быстрое занятіе этого края дѣло рѣшенное.

Опытъ, вынесенный графомъ Евдокимовымъ изъ долговременнаго боеваго поприща на Кавказѣ, убѣдительно доказывалъ, что прежній способъ военныхъ дѣйствій противъ горцевъ не приводилъ къ другимъ результатамъ, кромѣ бесполезной траты времени, крови и денегъ, и потому предначертанный графомъ Евдокимовымъ планъ занятія края посредствомъ колонизаціи казачьяго населенія, по мѣрѣ движенія отрядовъ впередъ, ближе достигалъ цѣли.

По окончаніи предварительныхъ дорожныхъ работъ и укрѣпленія занятыхъ уже линій, послѣдовало почти одновременное наступленіе отрядовъ внутрь страны, съ различныхъ пунктовъ. Движеніе это, разъединяя силы обороняющихся, до того повлияло на духъ горцевъ, что они, тѣснимые съ одной мѣстности на другую, почти нигдѣ не оказывали серьезнаго сопротивленія, особенно послѣ быстрого и отважнаго занятія урочища Дахо полковникомъ Гейманомъ (*), опытнымъ подручникомъ графа Евдокимова, а вслѣдъ затѣмъ и урочища Хамешки въ верховьяхъ рѣки Бѣлой, считавшихся какъ бы ключемъ позиціи горцевъ на сѣверномъ склонѣ западнаго Кавказа.

Занятіе Дахо, не смотря на обиліе кавказской войны блистательными примѣрами храбрости, хладнокровія и находчивости, этотъ подвигъ, какъ по характеру исполненія, такъ и по своимъ важнымъ послѣдствіямъ, принадлежитъ къ числу не совсѣмъ обыкновенныхъ. Казалось, что, съ занятіемъ Дахо, безопасность станицъ и постовъ, расположенныхъ въ тылу от-

(*) Нынѣ генералъ-маіоръ и начальникъ сухумскаго отдѣла.

рядовъ, была упрочена окончательно; но тутъ-то и обнаружился своеобразный характеръ горской войны, не подходящій подь общеустановившіяся понятія.

Предоставивъ нашимъ отрядамъ полную свободу производить свои операціи, горцы задумали какимъ-нибудь громаднымъ подвигомъ, въ предѣлахъ нашихъ линій, поднять свое упавшее значеніе.

Еще въ началѣ 1862 года стали носиться темные слухи о нападеніи горцевъ на укрѣпленіе Хамкеты, но близость отрядовъ на правомъ берегу Бѣлой давала мало вѣроятія полагаться на справедливость вѣстей, приносимыхъ досужими лазутчиками.

Въ концѣ апрѣля послѣдовало распоряженіе объ упраздненіи укрѣпленія Хамкеты, какъ пункта, утратившаго свое значеніе съ занятіемъ верховій рѣки Бѣлой. Новая штабъ-квартира баталіона была назначена въ станицѣ Хамкетинской, въ 5 верстахъ отъ укрѣпленія, для ограды которой и для постройки помѣщений предписано баталіону командировать изъ гарнизона двѣ роты и мастеровыхъ.

Баталіономъ командовалъ полковникъ Гоць. Это былъ ветеранъ, слишкомъ сорокъ лѣтъ съ честью прослужившій отечеству: онъ участвовалъ въ 1829 году въ знаменитомъ походѣ чрезъ Балканы и въ штурмѣ Варшавы въ 1831 году; въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ, проведенныхъ на Кавказѣ, перебивалъ на обоихъ флангахъ, въ Черноморіи и почти во всѣхъ замѣчательныхъ экспедиціяхъ, начиная съ 1836 по 1852 годъ, и въ чинѣ штабсъ-капитана находился въ составѣ гарнизона укрѣпленія Абинскаго, при отраженіи въ 1839 году штурма слишкомъ 12,000-мъ скопищемъ горцевъ. Такой ветеранъ былъ достаточно опытенъ для того, чтобы позволить неприятелю захватить себя врасплохъ. За отдѣленіемъ двухъ ротъ въ станицу Хамкетинскую, и стрѣлковой, находившейся въ даховскомъ отрядѣ, имѣя въ своемъ распоряженіи только двѣ слабыя роты, далеко недостаточныя для служебныхъ занятій по гарнизону и сопровожденія колоннъ въ ближайшія станицы, полковникъ Гоць просилъ полковника Геймана возвратить стрѣлковую роту на усиленіе гарнизона.

Производимые въ это время горцами разбои, нападенія на табуны сосѣднихъ станицъ, въ значительныхъ массахъ и въ виду укрѣпленія, чьму гарнизонъ, по слабости своей, не только

не могъ воспрепятствовать, но, при каждой тревогѣ, долженъ былъ принимать мѣры къ собственной безопасности, подкрѣпляли просьбу полковника Гоца, какъ слишкомъ очевидную необходимость. Несмотря однако на тревожное состояніе края, ближайшіе сосѣди, баракаевцы, продолжали по прежнему навѣщать насъ и снабжать разными продуктами; только присутствіе взвода вооруженныхъ солдатъ на сатовкахъ и отбирание оружія при пропускѣ въ укрѣпленіе доказывали, что причинъ къ недовѣрчивости было довольно.

Слухи, почти ежедневно приносимые лазутчиками, что горцы, въ отмищеніе за Дахо, ожидаютъ только прибытія съ южнаго склона партіи убуховъ, чтобы напасть на какую-либо изъ станицъ или укрѣпленіе въ тылу расположенія отрядовъ; слабый гарнизонъ и почти беззащитное положеніе укрѣпленія, въ которомъ, по распоряженію начальства, были уже сняты четыре орудія для отправленія въ станицу Царскую, что, конечно, было извѣстно горцамъ, все это заставляло предполагать, что если затѣвается какое-либо предпріятіе, то первые удары должны обрушиться на Хамкеты, о зажиточности жителей которыхъ горцы имѣли преувеличенное понятіе.

Полковникъ Гоць имѣлъ, слѣдовательно, основательныя причины беспокоиться за участь вѣреннаго ему поста. Не обнаруживая однако ни предъ семьей, ни предъ подчиненными душевной тревоги, онъ принималъ мѣры къ оборонѣ и не жалѣлъ денегъ, чтобы разузнать истинныя намѣренія непріятеля. Тѣмъ не менѣе близость опасности, инстинктивно предчувствуемая, выражалась тревожнымъ безпокойствомъ на лицахъ, и только прибытіе стрѣлковой роты, сильнѣйшей по числу и по боевымъ качествамъ, увеличивъ гарнизонъ до 474 человекъ, включая и нестроевыхъ, подняли нравственный духъ. Лица просвѣтлѣли. Конечно, такого числа войскъ было далеко недостаточно для обороны полутораверстной окружности укрѣпленія, гдѣ каждому приходилось защищать около двухъ саженъ пространства, но солдаты были старые, надежные, обстрѣленные, привыкшіе ко всякимъ военнымъ невздамъ. Снятыя съ батарей №№ 2-й, 3-й и 5-й орудія, для отправленія въ Царскую станицу, были снова поставлены, обсыпавшійся мѣстами валъ и полузаросшій ровъ исправлены по возможности.

Въ виду приготовленій къ оборонѣ, что не было для гарнизона тайной, нѣкоторые офицеры намекали на необходимость,

ради большой безопасности, перевести изъ форштата частное, ротное и баталіонное имущество, также перегнать скоть и лошадей. Полковникъ Гоцъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, справедливо расчитывая, что, въ случаѣ нападенія, сосредоточеніе въ укрѣпленіи значительнаго хозяйства, отвлечетъ много рукъ и по тѣснотѣ можетъ причинить суматоху съ самыми печальными послѣдствіями. Притомъ горцы, увлекшись жаждою добычи въ форштатѣ, какъ въ слабомъ пунктѣ, разбросали бы свои силы, слѣдовательно и съ меньшею энергіей повели бы атаку на самое укрѣпленіе. Это соображеніе, какъ увидимъ, основанное на знаніи характера непріятели, подтвердилось впоследствии.

Рѣшившись пожертвовать имуществомъ, но спасти жизнь и честь гарнизона, доблестный старикъ принималъ дѣятельныя мѣры, чтобы не подвергнуться нечаянному нападенію. Многочисленные секреты каждую ночь высылались въ разныя стороны на значительное разстояніе; артилерійская прислуга, съ достаточнымъ пѣхотнымъ прикрытіемъ по батареямъ и удвоенною цѣпью часовыхъ по валамъ, зорко наблюдавшихъ за окрестностью, готовы были, по первому знаку, открыть огонь. Остальной гарнизонъ, расчитанный по фасамъ, подъ командой опытныхъ офицеровъ, располагался по ближайшимъ казармамъ, чтобы, по первой тревогѣ, быть на своихъ мѣстахъ.

Полковникъ Гоцъ, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, живой и бодрый старикъ, съ юношеской энергіей подавалъ примѣръ неутомимой дѣятельности; цѣлыя ночи проводилъ онъ на батареяхъ и ободрялъ гарнизонъ, въ чемъ ему усердно помогали офицеры баталіона, отказавшіеся отъ своихъ семействъ и квартиръ.

Дня за два или за три до штурма, горцы, большіе охотники до чаю и меду, обыкновенно человѣкъ по пятнадцати и двадцати наѣзжавшіе за даровымъ угощеніемъ, прекратили свои посѣщенія; только баракаевскій старшина, Баракъ-Лаховъ, удвоилъ любезность, и цѣлые дни проводилъ въ укрѣпленіи, увѣряя, что слухи о нападеніи на Хамкеты чистая басня, что онъ не преминулъ бы заблаговременно предупредить своихъ кунаковъ объ опасности, если бы она предстояла. Не поддаваясь на льстивыя рѣчи хитраго старика, полковникъ Гоцъ, по собственному опыту изъ абинскаго и другихъ дѣлъ, хорошо понималъ значеніе наступившаго затишья и если прежде пи-

талъ неопредѣленные надежды на какой-нибудь счастливый случай, могущій помѣшать горцамъ въ ихъ предпріятіи, то теперь былъ болѣе нежели увѣренъ въ близости рѣшительной развязки. И дѣйствительно, въ ночь съ 13-го на 14-е іюня, едва только смерклося, прискакалъ баракаевецъ съ извѣстіемъ, что партія горцевъ свыше 6,000 человекъ, подъ предводительствомъ Бу-ги-тау и другихъ старшинъ, изъ числа наиболѣе извѣстныхъ по своимъ разбойничьимъ подвигамъ, сосредоточилась въ окрестныхъ оврагахъ и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня произведетъ нападеніе на укрѣпленіе.

Увѣренность начальника въ благопріятномъ исходѣ предстоившаго дѣла была такъ привита къ его подчиненнымъ, что никому и въ голову не приходила мысль о серьезной опасности, за исключеніемъ двухъ, трехъ офицерскихъ семействъ, переселившихся ночью въ укрѣпленіе; остальные, по прежнему, спокойно оставались на форштатѣ. Въ двѣнадцать часовъ ночи, весь гарнизонъ находился на валу въ совершенной готовности къ бою; небольшой резервъ расположился около церкви, почти въ центрѣ укрѣпленія; фитили у орудій, заряженныхъ картечью, дымились; зловѣщая тишина царила подъ покровомъ безлунной лѣтней ночи; только подсолнечники на огородахъ, по Псефирскому оврагу, качались подозрительно. Даже собаки, обыкновенно столь чуткія и безпокойныя ночью, молчали, словно ихъ не было ни одной въ цѣломъ укрѣпленіи. Старые кавказцы, особливо служившіе на черноморской береговой линіи, гдѣ укрѣпленія чаще подвергались нападеніямъ горцевъ, увѣряли, что подобное явленіе замѣчалось ими постоянно и служило вѣрнымъ признакомъ близости непріятеля въ большихъ силахъ.

Ночь прошла спокойно. Но вотъ на востокѣ заблѣлъ небосклонъ и замерцалъ первыми отблесками румяной зари памятнаго намъ дня; уже можно было различать предметы на нѣкоторомъ разстояніи, и мы увидѣли, какъ показались секреты, приближавшіеся постышными шагами. Или они провели ночь не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было указано, или, статья можетъ, горцы, зная о ихъ расположеніи, обошли ихъ незамѣтно. Какъ бы то ни было, секреты возвратились, не примѣтивъ ничего подозрительнаго, и въ этомъ смыслѣ отрапортовали командиру баталіона. Была половина четвертаго, когда полковникъ

Гоцъ, принявъ рапортъ, сказалъ: „Ну, господа, видно горцы раздумали, пойдемъ отдыхать“.

При этихъ словахъ, у всѣхъ, послѣ ночи безпокойнаго ожиданія, какъ будто что-то тяжелое отлегло отъ груди. Говорятъ, что есть люди, на которыхъ близость опасности не производитъ никакого впечатлѣнія; мнѣ кажется, это справедливо только въ такомъ случаѣ, когда опасность видима и человекъ успѣлъ опредѣлить ея значеніе. Но неизвѣстность — вотъ самое опасное испытаніе храбрости; даже закаленный въ бояхъ не въ силахъ противиться гнетущему чувству, которое какъ бы сковываетъ волю и помрачаетъ рассудокъ. Миновала неизвѣстность, и тотъ же человекъ становится львомъ.

Вслѣдъ за секретарями примчался къ крѣпостнымъ воротамъ всадникъ, впущенный въ калитку. Это былъ нашъ лазутчикъ Джемботъ. Едва успѣлъ онъ, запыхавшись отъ быстрой ѣзды, сказать, что горцы идутъ.... рѣчь его была прервана барабаннымъ боемъ, ударившимъ тревогу на батарею № 1-й, на противоположной сторонѣ укрѣпленія. Раздался одинокій ружейный выстрѣлъ, послышалось пронзительное „ги! ги!“ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, слившееся въ протяжный вой, и толпы полуобнаженныхъ горцевъ ринулись изъ Псефирскаго и Сѣннаго овраговъ на форштатъ и укрѣпленіе.

Почти одновременно съ сигнальнымъ выстрѣломъ, вспыхнулъ подожженный непріателемъ сѣнникъ, тѣсно примыкавшій, какъ сказано выше, къ форштатскому плетню; влочья сѣна, разносимые утреннимъ вѣтеркомъ, угрожали превратить въ пепель деревянные съ соломянными кровлями зданія. Полковникъ Гоцъ, не находя при такихъ условіяхъ возможнымъ оборонять форштатъ, поспѣшилъ отозвать находившуюся тамъ команду, чтобы не подвергать ее напрасной гибели. Населеніе форштата, утомленное въ теченіе ночи тревожнымъ ожиданіемъ, но на разсвѣтъ считая опасность миновающею, начало готовиться ко сну; другіе, болѣе безпечные, спокойно проспавши ночь, были непріятно пробуждены громомъ пальбы и криками сражающихся; они хватали первыя попадавшіяся подъ руку вещи и спѣшили въ крѣпость, многіе почти въ одеждѣ прародителей.

Когда прилежавшія къ сѣннику зданія запылали, горцы, поваливъ, при помощи виноградныхъ веревокъ и деревянныхъ крючьевъ, плетень съ противоположной стороны, рассыпались по улицамъ. Въжавшимъ жителямъ не было возможности попасть

въ укрѣпленіе иначе какъ чрезъ брустверь, подъ непріятельскими выстрѣлами; нѣкоторые и спаслись такимъ путемъ, въ томъ числѣ молодая жена подпоручика Васильева: она взобралась до половины вала, но далѣе не могла подняться; ей сдѣлалось дурно, и она неминуемо скатилась бы въ ровъ, если бы не подоспѣлъ на помощь баталіонный священникъ, протоіерей Николай Пиадинтовъ, который, съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, на своихъ рукахъ внесъ г-жу Васильеву въ укрѣпленіе. Другіе, менѣе отважные, укрылись въ крѣпостномъ рву, гдѣ и пробыли все время штурма.

Пока оставимъ горцевъ хозяйничать на форштатѣ и обратимъ вниманіе на другіе пункты. Вторая колонна, гораздо многочисленнѣе первой, по сигнальному выстрѣлу бросилась изъ огородовъ по Псефирскому оврагу на сѣверный деревянный фасъ укрѣпленія; передніе ряды, напіраемые сзади густыми толпами, быстро наполнившими ровъ, мгновенно появились на гребнѣ забора. Это случилось такъ быстро, что орудіе, обстрѣливавшее фасъ, не успѣло сдѣлать выстрѣла, какъ непріятель очутился почти у самага дула. Храбрая 2-я линейная рота, одушевляемая своимъ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Мухинымъ (*), который, съ ружьемъ въ рукахъ, подавалъ личный примѣръ, мужественно встрѣтила непріятеля штыками. Бой на гребнѣ забора былъ непродолжителенъ: тѣснимые сзади нетерпѣливыми товарищами, спѣшившими взлѣзть на стѣну, спереди гонимые штыками, горцы попадали въ промежутокъ забора, гдѣ были переколоты до одинаго. Печальная участь этихъ смѣльчаковъ охолодила жаръ въ толпившихся во рву и на гласисѣ; поражаемые съ фронта въ упоръ, съ батареи № 1-й, и въ тылу съ блокауза жестокимъ картечнымъ огнемъ, они, устлавъ ровъ трупами, поспѣшили укрыться на огородахъ.

Предусмотрительность полковника Гоца относительно форштата оправдалась: тѣ горцы, которые занялись грабежемъ и отгономъ скота, не только не содѣйствовали товарищамъ атакою на другіе пункты, но, по мѣрѣ пріобрѣтенія добычи, сами покидали пылающій форштатъ, гдѣ многіе изъ нихъ, отуманенные грабительствомъ, сгорѣли. Только одна шайка, человекъ во сто, засѣла въ землянкахъ, откуда производила без-

(*) Нынѣ подполковникъ.

прерывную пальбу внутрь укрѣпленія и по батареямъ №№ 4-го и 5-го.

Уничтоженіемъ форштата непріятель сдѣлалъ большую ошибку: развязавъ намъ руки съ этой стороны, онъ далъ возможность сосредоточить большія силы на угрожаемомъ пунктѣ; другіе пункты, по причинѣ открытой передъ ними мѣстности, терпѣли только отъ ружейнаго огня. Владѣя же форшта-томъ, расположеннымъ вблизи вала, горцы угрожали гарни-зону серьезною опасностію: прикрытые домами и заборами, они могли, на разстояніи какихъ-нибудь 20 — 30 шаговъ, своимъ огнемъ парализовать дѣйствія защитниковъ и вести штурмовыя колонны тѣмъ безопаснѣе, что эта часть крѣ-постнаго рва не была обороняема артилеріей. Послѣ потери единственнаго пункта, который могъ доставить непріятелю рѣшительный успѣхъ, горцы частію присоединились къ штур-мующимъ, частію засѣли по окраинамъ овраговъ, откуда открыли такой убійственный огонь, что внутри укрѣпленія буквально не было безопаснаго мѣста; стѣны зданій походили на прострѣленную мишень; стекла были перебиты; крыши пре-вратились въ рѣшота; церковный колоколъ, въ 12 пудовъ вѣ-сомъ, былъ пробитъ.... Севастопольскаго пѣхотнаго полка под-поручикъ Далицкій, пользовавшійся отъ ранъ въ лазаретѣ бата-ліона, былъ смертельно раненъ на своей кровати. На площади укрѣпленія невозможно было показаться: пули, словно пчелы, рѣяли по всѣмъ направленіямъ. Къ довершенію всего, орудіе блокауза, такъ много содѣйствовавшее отбитію перваго при-ступа, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ замолчало, какъ оказа-лось впоследствии, по причинѣ поломки оси.

Удача въ началѣ дѣла всегда дѣйствуетъ благоприятно на духъ воина. Первый приступъ непріятеля на сѣверный фасъ укрѣпленія, отбитый сотнею людей, одушевилъ осажденныхъ; огромное численное превосходство противника потеряло, въ ихъ глазахъ, значеніе; часть стрѣлковой роты, переведенная на сѣ-верный фасъ для усиленія второй роты, значительно постра-давшей, просилась на вылазку, въ чемъ конечно было отка-зано; жены нижнихъ чиновъ, пренебрегая опасностію, разно-сили въ подолахъ патроны и артилерійскіе заряды, и ухажи-вали за ранеными съ любовью и самоотверженіемъ. Когда на открытой батарее № 2-й была перебита вся прислуга, воен-ные арестанты, находившіеся на гауптвахтѣ, просили, какъ

милости, дозволить имъ умереть на батареѣ. Получивъ разрѣшеніе, они, при остальныхъ приступахъ непріятеля, подвергаясь явной смерти, исполняли обязанности артиллерійской прислуги такъ успѣшно, что орудіе не умолкало ни на минуту. Поручики Черницкій, Зозулевскій и Грессель, страстные охотники, занявъ съ отборными стрѣлками удобные пункты на батареяхъ, посылали штурмовавшимъ мѣткіе выстрѣлы. Полковникъ Гоць, перебѣгая съ батареи на батарею, ободрялъ защитниковъ, указывая на сіявшій крестъ баталіонной церкви, какъ на награду будущей жизни, и обѣщаль милость государя оставшимся въ живыхъ. Всѣ прочіе офицеры или управляли дѣйствіемъ орудій, или, какъ начальники фасовъ, учили подчиненныхъ какъ успѣшнѣе противудѣйствовать огню непріятеля.

Ободренные уничтоженіемъ форштата, штурмовыя колонны, послѣ кратковременнаго отдыха, съ крикомъ, выстрѣлами и съ распущенными значками, снова бросились въ ровъ: одни по спинамъ товарищей взбирались на гребень, другіе шашками рубили заборъ, забрасывали крючья и виноградныя веревки, стараясь разломать стѣну, но дорогое оружіе разлеталось въ куски при ударѣ о толстые чинаровыя брусья; виноградныя веревки, не выдерживая тяжести налегавшихъ горцевъ, рвались и увлекали тянувшихъ наземь сотнями. Яростныя толпы разсвирѣпѣвшаго непріятеля волновались словно бурное море. Крѣпостной ровъ съ этой стороны представлялъ ужасное зрѣлище: груды обезображенныхъ, изувѣченныхъ труповъ, цѣлыя лужи крови, въ которой ползали раненые, являли картину чудовищной бойни. Въ моментъ самаго разгара приступа, когда горцы, отбиваемые изъ-за гребня штыками и прикладами и поражаемые афиладнымъ огнемъ № 1-го батареи, дѣйствовавшей картечью, лѣзли съ остервененіемъ на заборъ, на лабинской дорогѣ показалась первая помощь. Это былъ штабсъ-капитанъ Рыловъ, со вѣрною ему ротой и сотней казаковъ спѣшившій на помощь изъ станицы Хамкетинской.

Дойдя до блокгауза, офицеръ этотъ, видя огромныя толпы непріятеля, облежавшія укрѣпленіе, не почелъ себя достаточно сильнымъ со 150 человекъ пробиться сквозь плотныя массы, не рискуя быть уничтоженнымъ. Онъ спѣшилъ казаковъ и, расположивъ свой отрядъ подъ прикрытіемъ блокгауза, открылъ по непріятелю живой огонь. Очутившись подъ перекрестнымъ

огнемъ, горцы, неуспѣвавшіе оттаскивать своихъ раненыхъ и убитыхъ, вынуждены были вторично отступить на огороды.

Гуль канонады, разносимый эхомъ, распространилъ тревогу на далекое пространство: казачьи сотни и пѣхотныя роты не только изъ ближайшихъ станицъ Царской, Губской и Переправной, но даже изъ Колоджей, Псебая и Лабинской отдѣльными отрядами спѣшили къ горѣвшему укрѣпленію, которое какъ бы исчезло въ непроницаемомъ мракѣ пороховыхъ облаковъ и дыма пожара.

Три сотни казаковъ изъ Губской и Переправной станицъ прискакали на противоположный берегъ Хамкетинскаго оврага, во не видя за дымомъ: взято укрѣпленіе или нѣтъ, отступили на нѣкоторое разстояніе, и простояли тамъ въ наблюдательномъ положеніи до той минуты, когда горцы начали отступать.

При приближеніи съ разныхъ сторонъ казачьихъ сотенъ, горцы, опасаясь быть сами атакованными, рѣшились еще разъ попытать счастья въ нападеніи. На этотъ разъ уже съ самаго начала было замѣтно, что они шли не съ прежнею увѣренностію, хотя стремительно бросились въ ровъ. Послѣ дружнаго залпа гарнизона, толпы ихъ дрогнули и чрезъ пепелище форштата стали отступать Хамкетинскимъ оврагомъ. Штабсъ-капитанъ Рыловъ успѣшилъ войти съ пѣхотой въ укрѣпленіе лишь только непріятель очистилъ мѣсто передъ Лабинскими воротами; сотникъ же Демьяновъ, обогнувъ съ сотней казаковъ укрѣпленіе съ противоположной стороны, врѣзался въ самую средину отступавшихъ горцевъ. Смѣлая атака его, если бы была поддержана стоявшими на противоположномъ берегу сотнями, безъ сомнѣнія привела бы въ совершенное разстройство непріятели, обремененнаго тѣлами убитыхъ и раненыхъ товарищей, или по крайней мѣрѣ уничтожила бы его арьергардъ, но, произведенная ничтожными силами, кончилась очень неблагоприятно: сотникъ Демьяновъ первыми выстрѣлами былъ смертельно раненъ, а сотня, потерявъ нѣсколько человекъ убитыми и ранеными, отступила за укрѣпленіе. Между тѣмъ шайка, занимавшая землянки, мѣткимъ огнемъ по открытымъ батареямъ №№ 4 и 5-й, почти заставила молчать находившіяся тамъ орудія, чѣмъ давала возможность непріятелю отступать безъ значительнаго урона. Вызваны были охотники, которые, подъ командою подпоручика Копылова, выйдя въ калитку изъ Канаджинскихъ воротъ, съ крикомъ „ура!“ мгно-

венно выбили штыками горцевъ изъ землянокъ, причемъ легко былъ раненъ храбрый Копыловъ. Этимъ молодецкимъ дѣломъ закончились геройскія усилія гарнизона, въ теченіе четырехъ съ половиною часовъ отбивавшаго неоднократныя атаки болѣе нежели въ двѣнадцать разъ сильнѣйшаго непріятеля. Не было въ гарнизонѣ ни храбрыхъ, ни робкихъ, и, какъ полковникъ Гоцъ выразился въ своемъ донесеніи, „всѣ отъ перваго до послѣдняго самоотверженно исполняли свой долгъ“.

Трофеями дня, несмотря на то, что горцы считаютъ безчестнымъ оставлять убитыхъ въ рукахъ непріятеля, были два значка и около ста труповъ поднятыхъ во рву и на форштатѣ. По показаніямъ лазутчиковъ, горцы лишились всего до 600 человѣкъ убитыми и ранеными.

Впослѣдствіи, при уборкѣ огородовъ въ Псефирскомъ оврагѣ, между кустами, гдѣ былъ у непріятеля перевязочный пунктъ, найдено было еще десятка съ два тѣлъ.

Съ нашей стороны, со включеніемъ казаковъ, ранены два оберъ-офицера, подпоручикъ Копыловъ и сотникъ Демьяновъ, умершій отъ раны; нижнихъ чиновъ убито 15, ранено 25 человѣкъ—уронъ, при открытомъ положеніи площади укрѣпленія, небольшой, благодаря недостатку между горцами единоначалія и неумѣнью воспользоваться бывшими на ихъ сторонѣ мѣстными выгодами.

Теперь гарнизону предстояло испытаніе въ мужествѣ иного рода: я уже сказалъ, что на форштатѣ находилось все имущество баталіона, семейныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Всякому извѣстно сколько лишеній стоитъ военному человѣку пріобрѣтеніе лошади или хоть какой-нибудь хатенки, безъ которыхъ въ укрѣпленіяхъ не было возможности существовать. И вдругъ, въ одинъ день, плоды лишеній многихъ лѣтъ исчезли безвозвратно; во всемъ укрѣпленіи оказалась только пара лошадей, случайно уцѣлѣвшихъ во рву; ѣсть было нечего; семействамъ, безъ одежды и крова, пришлось кочевать подъ открытымъ небомъ, пока ихъ не перевезли на линію..... Но за Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадаютъ.

Е. Шрудковъ.

Ст. Владикавказская.
20-го ноября 1867 года.